

**ТМУТАРАКАНСКИЙ КАМЕНЬ
В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА**

**М. Л. Майофис
(Москва)**

Вплоть до настоящего времени остается открытым вопрос о подлинности Тмутараканского камня. Мы не ставим своей целью разрешить эту проблему в рамках настоящего исследования, так как для восстановления истории обращения к Тмутараканскому камню в конце XVIII — начале XIX века доказательство его подлинности и точная датировка не имеют принципиального значения. Напротив того, только выявив причины интереса к памятнику в указанный период, можно говорить о наличии или отсутствии достаточных оснований для осуществления фальсификации, если таковая действительно имела место.

На Тмутараканском камне высечена надпись «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмутороканя до Корчева 14000 сажень»; в ней увидели доказательство господства русских князей на Тамани в XI

веке. Оно призвано было сыграть свою роль в культурной политике последних лет екатерининского царствования.

Первым в Петербурге известие об обнаружении камня получил А. И. Мусин-Пушкин, обер-прокурор Святейшего Синода, знаменитый собиратель древностей, стараниями которого были введены в научный оборот другие знаменитые памятники — «Слово о полку Игореве» и «Ярославское серебро». После оперативного доклада императрице ему была дарована привилегия на публикацию первого описания камня. «Историческое исследование о местоположении древняго российскаго Тмутараканскаго княжения» было издано по высочайшему повелению в 1794 году и отпечатано в типографии Корпуса Чужестранных Единорерцев. Влияние императрицы и необходимость удовлетворения ее политических и исторических интересов читаются за каждой строкой книги, начиная с восторженного посвящения и заканчивая последним разделом — «Родословником Князей Российских владевших в Тмутаракани до Князя Глеба Святославича, положившаго камень в Тамане, взятый из Записок Касательно Российской Истории».

Вопрос о местоположении Тмутараканского княжества не был окончательно разрешен в исторической науке тех лет, в качестве возможных вариантов назывались как Рязань, так и малороссийские земли. В результате анализа летописных источников Мусин-Пушкин пришел к выводу, что «княжению Тмутараканскому надобно быть в той же стороне около Азовского моря, а при том в смежности с владениями Греческими, и отнюдь не далее от Корсуни, как на восемь дней езды». Установление такого близкого соседства русских и греков было весьма многообещающим в свете культурной программы так называемого «греческого проекта» (о нем см. подробнее недавнюю работу А. Л. Зорина «Русская ода конца 1760-х — начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» // НЛЮ, № 24 и нашу статью «Музыкальный и идеологический контекст драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» // Русская филология, 7. Тарту, 1996). Мусин-Пушкин напоминал, что приобретение Тавриды и прилегающих к ней территорий предшественниками великого князя Владимира обеспечило его войску беспрепятственное продвижение в Грецию и взятие города Корсуни в 988 году. Крым и прилегающие к нему южные земли, присоединенные к России в результате последних войн с Турцией, рассматривались Екатериной II и ее приближенными как плацдарм для дальнейших завоеваний и как залог возрождения новой Греческой империи. А Тамань, по близости ее расположения от Крыма, фактически присоединялась к его территории. Выбор типографии для обнародования официального мнения о Тмутараканском камне в этой связи также представляется не случайным.

В Тмутараканском камне видели «нетленное свидетельство» русско-греческих контактов — господства русских на исконно греческой территории. Таким образом, он становился уже не первым доказательством родства русских с древнейшими народами. Даже после победоносных войн с Турцией и Швецией это было необходимо для повышения престижа национальной культуры.

После восшествия на престол Александра I у многих его современников, особенно у представителей старшего поколения, сделавших карьеру во времена екатерининского царствования, воскресли надежды на возобновление «греческого проекта». Питательной почвой для этих чаяний, очевидно, послужило знаменитое обещание нового императора — «При мне все будет как при бабушке».

Любопытно, что таким же образом эта декларация была воспринята не только в России, но и далеко за ее пределами. Французский дипломат адъютант Дюрок, доверенное лицо консула Бонапарта, был послан в середине 1801 года в Петербург с предписанием отзываться об императрице Екатерине II «как о государыне, предвидевшей падение Турецкой империи и вполне постигавшей, что процветание русской торговли зависит от направления ее к югу»¹.

Однако взгляды российского императора и его молодых друзей, входивших в так называемый «Негласный комитет», были прямо противоположными. На предложения Дюрока Александр ответил: «Je ne veux rien pour moi, je ne veux que contribuer á la tranquillité de l'Europe»². Внешнеполитическая доктрина, выработанная на заседаниях «Негласного комитета» и полностью принятая затем Министерством иностранных дел, которое возглавил граф Кочубей, определенно предписывала «быть искренними в иностранной политике, но не связывать себя никакими договорами в отношении кого бы то ни было»³, для того чтобы сконцентрироваться на внутренних преобразованиях. Даже в 1805 году, да и позже, во время войн с Турцией и Персией, российский император не захочет продолжать дело своей бабки. Равнодушное, можно сказать, даже враждебное отношение к идеям «греческого проекта» породило и соответствующий взгляд на южные территории: это уже не плацдарм для дальнейших завоеваний, а важная в стратегическом и экономическом отношении часть империи, кото-

¹ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. 2. СПб., 1897. С. 273.

² Мне лично ничего не нужно, я желаю только содействовать спокойствию Европы (фр.). Там же. С. 58.

³ Там же. С. 60.

рую необходимо исследовать и благоустроить. Для решения этой задачи одним из первых в 1803 году в Крым был командирован Н. А. Львов.

Первой и основной целью Львова в его поездке в Крым и на Кавказ было лечение (в течение нескольких лет он тяжело болел). Официальные лица в Петербурге, однако, сочли нужным дать знаменитому архитектору и поэту служебные поручения. Согласно обнародованным А. Б. Никитиной архивным источникам, Львов уезжал из Петербурга со специальным императорским предписанием, сообщенным ему в письме министра внутренних дел графа Кочубея, в котором были указаны и цели поездки, и места, в которых нужно было остановиться. Человеку, давно зарекомендовавшему себя на правительственной службе и известному своей поистине энциклопедической образованностью, было поручено решение вопросов в различных сферах государственного хозяйства: в области экономики, политики, сельского хозяйства, развитии ремесел и пр.¹

Проявляя в поездке завидную инициативность и изобретательность в составлении различного рода проектов, Львов считал нужным разрешить непредусмотренную в правительственных предписаниях задачу — найти в Тамани знаменитый некогда Тмутараканский камень, напомнить о его существовании и планах, с ним связанных.

Было бы несправедливо утверждать, что на рубеже веков Тамань с ее многочисленными древностями была обделена вниманием публики. Путешествие Львова вполне вписывалось в традицию «паломнических» поездок в Крым, повсеместно совершавшихся в 1790–1800-е годы.

Поток путешественников, устремившихся на юг России, стал одним из симптомов новой культурной ситуации — в стране открывалось невозможное доселе поприще — сбор и изучение реликтов античной и древней русской цивилизаций; появились свои Помпеи, в которые сразу же устремились свои Винкельманы. Однако это был лишь ряд частных инициатив, по большей части исходивших от иностранных подданных. И Николай Александрович Львов решил кардинально изменить ситуацию, вернув Тмутараканский камень в орбиту высочайшего внимания. С этой целью был подготовлен грандиозный скульптурный проект.

Единственное описание работы Львова находится в позднейшей книге А. Н. Оленина «Письмо к А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском»:

«В бытность его на острове Тамане в 1803 году, нашел он известный Тмутораканский камень, заваленным в церковной ограде другими мраморными отломками. Тронутый жалостным столь зрелищем для любителя Наук и Художеств, решился

---

¹ Никитина А. Б. Последний проект Н. А. Львова. // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Вып. 17. Л., 1984. С. 29-39.

он помощью бывших с ним спутников, знаменитый сей камень торжественно перенес в *внутренность храма*, и собрав разныя примечания достойныя остатки других древних камней, составил памятник, означающий прехождение острова Тамана под владение разных народов. — Таким образом, правление просвещенных Греков показал он *обломком Статуи* в Тамане найденной (отменной как мне сказывали работы), из коей осталось одно туловище покрытое броней и часть хламиды. — Сей торс поставлен на *камне времен Греческих Императоров*, представляющем в Барилие две победы с лавровыми в руках венками. — На сем камне имеется надпись, которую я не осмеливаюсь толковать потому, что Еллинского языка не разумею. — Сии два признака владычества Греков в тамошнем краю, положены на камень Тмутороканский, который поддерживается *двумя Капителями Генуэзской работы*, свидетельствующими о последних владетелях Тамана до нашествия Татар, которых завоевание тамошняго края, означает в сей картине *двумя древними татарскими шишаками*, поставленными у подножия сего памятника. Между Генуэзскими капителями положен *обломок старой колонны*, на которой покойный Н. А. Львов приказал насечь надпись, к обретению Тмутороканскаго камня относящуюся» (курсив мой. — М. М.)¹.

Находившийся на Тамани вместе с Львовым художник И. А. Иванов (один из авторов иллюстраций к сочинениям Державина) зарисовал памятник; этот рисунок Оленин опубликовал на фронтисписе своей книги. Судя по рисунку, на памятнике была выбита следующая надпись: «Свидетель веков прошедших послужил Великой Екатерине к обретению Исторической Истинны о царстве Тмутараканском найденный в 1792 г. Атаманом Головатым Свидетельство его свету сообщил граф Пушкин Из былия извел Львов Никольской. 1803. VIII. 7. При начальстве майора Васюренцова при пастырстве Протоиерея Павла Деменко».

Сооруженный памятник изображал не что иное, как историю Крыма — последовательность завоевания его разными странами: Грецией, Россией, Генуэзской республикой, Турцией и снова Россией. Таким образом, создавалась модель развития национальной культуры и закреплялось место России в мировом культурном пространстве. Свидетельство русского владычества в Причерноморье было размещено между древнегреческой статуей — образцом совершенной пластики; генуэзской капителью, которая для Львова, несомненно, олицетворяла средневековое и возрожденческое искусство Италии, и татарскими шишаками (словом «татары» в конце XVIII и начале XIX века обозначали семейство тюркских народов, которое, в свою очередь, почиталось древнейшим прародителем индоевропейской общности, наряду с персами, индусами и арабами).

¹ Оленин А. Н. Письмо к А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском. СПб., 1806. С. 29, 30.

Трудно предположить, что тяжело больной Львов сумел сразу же обнаружить на развалинах все необходимые детали для задуманного им сооружения или же составить настолько идеологически выверенный монумент из найденных ранее камней и обломков статуй. Вероятно, Львов, отправляясь на Тамань, заранее знал не только о существовании камня, но и о возможности постановки его в эффектной композиции и заказал или даже привез с собой все необходимое, за исключением самого камня.

Каковы бы ни были конкретные события, сопутствовавшие созданию львовского проекта и его публикации, рождение подобной культурной модели в первое пятилетие александровского царствования показательно как знак обращения к идеям «греческого проекта» и отражение надежд на его выдвижение как официальной программы. Настроения Львова и его друзей не были такими же миролюбивыми, как у молодого российского императора. Напротив, поэт встречал новое столетие с ожиданием новых победоносных военных кампаний и выразил свои надежды в двух программных стихотворениях — «Народное восклицание на вступление нового века» и «Новый XIX век в России».

Последовавшая в декабре 1803 года смерть Львова воспрепятствовала представлению нового памятника Александру I, и два года спустя А. Н. Оленин был вынужден вновь обратиться к этой теме.

В начале царствования Александра I А. Н. Оленин был назначен членом комиссии по обустройству Таврической губернии, а в октябре 1802 года ему был предложен пост губернатора вновь созданной Новороссийской губернии. В этом предложении Оленин, однако, усмотрел не повышение в чине, а лишь желание выслать его из столицы. От губернаторского места он обиженно отказался, мотивировав свое нежелание жить и работать в Крыму вредностью тамошнего климата¹.

Так или иначе, именно в те месяцы, когда Львов отправлялся в Крым, вопросы специальных командировок на юг России находились в ведении Оленина, и этот последний мог посодействовать своему родственнику и коллеге в получении необходимых средств или иной помощи.

После смерти Львова Алексей Николаевич Оленин считал необходимым продолжить исследование Тмутараканского камня; его «Письмо к А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском» являло собой акт присоединения к определенной научной и идеологической традиции и одновременно ставило Оленина в ряд первооткрывателей и описателей камня, чьи имена были выбиты на таманском памятнике.

¹ ОР РНБ. Ф. 542. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 2, об.

Кроме того, обращение к биографии и наследию Львова стало значительной вехой в истории нового литературного сообщества, начавшего активную деятельность именно в 1804-1806 годах; было актом преемственности одного кружка у другого. В программах Оленина и его соратников, обратившихся в это время к проблеме преобразования российского театра, греческая тема сразу же вышла на первый план: в 1804 году была поставлена трагедия «Эдип в Афинах» В. А. Озерова, текст, декорации и костюмы которой обсуждались и готовились в доме Оленина.

В своем сочинении, посвященном Тмутараканскому камню, Оленин значительно расширил созданную Львовым историю Крыма. Не довольствуясь указанием на наследование русскими греческой культуре, он находит на Тамани следы пребывания народа еще более древнего — египтян. Он обращает внимание на другой камень, описанный и зарисованный в «Путешествии в Крым» Марии Гутри. Изображенные на камне буквы кажутся Оленину похожими на древние египетские, и наконец, он находит в «одном историческом лексиконе» необходимое свидетельство: «Сезострис, простирая свои завоевания до Танаиса (Дона), основал Египетское селение в Колхиде (Иметрия) — Во многих странах, покоренных Сезострисом, поставлены были столпы с сею надписью: Сезострис Царь Царей и Государь Государей сию землю оружием своим завоевал»¹.

В российской внешней политике 1805-1806 годов не осталось и следа от доктрины «невмешательства», отстаивавшейся тремя годами ранее. Вступление в военный конфликт с таким могущественным противником, как наполеоновская Франция, требовало выработки новой культурной программы, с иной, нежели во времена екатерининского царствования, постановкой акцентов. Требование возобновления «греческого проекта» с той точки, на которой он был приостановлен в предыдущее десятилетие, теперь тем более выглядело бы анахронизмом, так как все усилия были сосредоточены на антифранцузской кампании. В своем трактате о Тмутараканском камне Оленин показал возможные векторы движения в сложившейся культурной ситуации.

«Письмо к А. И. Мусину-Пушкину» — не просто научное изыскание; автор придает ему статус литературного произведения. Оно одновременно демонстрирует и образец слога научного сочинения, и скрупулезную работу исследователя: Оленин, используя параллельные источники, расшифровал, наконец, правильно надпись на Тмутараканском камне и предложил, таким образом, жизнеспособный метод для работы с памятниками русской

¹ Оленин А. Н. Письмо А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском. С. 35-36.

старины. По признанию многих современных ученых, именно Оленин стал основоположником русской палеографии и эпиграфики¹.

Тмутараканский камень предстает в работе Оленина как часть исторического наследия, изучение которого способствовало бы упрочению национального культурного достояния и привело бы в конце концов к созданию полной Российской Истории. Последний абзац «Письма...» может быть расценен как призыв к российским ученым: «Доколе Русская словесность не будет иметь:

1. Полного собрания или свода древних наших летописцев и разных других древних русских и иностранных книг, в коих находятся повествования о России

2. Древней Российской Географии, основанной на ясных исторических доводах, и наконец

3. Палеографии Славянороссийской, то до времени пока все это изготовится — Историю Русскую трудно писать»².

Мысль об опоре на внутренние культурные ресурсы будет развиваться Олениным вплоть до войны 1812 года, особенно после заключения Тильзитского мира и присоединения России к экономической блокаде Великобритании. В этой связи возрастет значение любимого детища Оленина — Публичной библиотеки — хранилища древних памятников и самого богатого источника необходимых ресурсов.

В оленинском фонде рукописного отдела Российской национальной библиотеки сохранилась копия неоконченной статьи «Взгляд на новейшую российскую словесность», принадлежащей перу либо самого Оленина, либо кого-то из близких и доверенных ему лиц. Судя по этой статье, весь русский литературный процесс 1808-1809 гг. определялся одним фактором — размещением, преобразованием и каталогизацией Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, а первое и единственное сочинение, удостоившееся внимания автора статьи, — «Опыт о новом библиографическом порядке Императорской Публичной библиотеки»³.

Греческая тема, связанная, как мы уже показывали, с экспансионистскими настроениями, в условиях культурной изоляции эксплуатировалась все меньше; симптомом ее маргинализации стал провал трагедии В. Озерова «Поликсена» и временный распад оленинского кружка в его составе периода издания журнала «Драматический вестник»⁴.

¹ См. Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., 1969.

² Оленин А. Н. Письмо к А. И. Мусину-Пушкину. С. 46.

³ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 8. Л. 1, 1 об.

⁴ См. об этом: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. М., 1977. С. 34 и др.